

Александр Сизиков после освобождения, Сочи, 28 мая 2025 года / Все фото: ОВД-Инфо
Тифлокомментарий: Горизонтальная цветная фотография, сильно вытянутая в ширину. В центре композиции — Александр Сизиков, 40-летний мужчина; он стоит на фоне темно-зеленых растений. У Александра небольшая борода. На нем — черная кепка, песочного цвета футболка с воротником и несколькими пуговицами, верхняя пуговица расстегнута. Александр повернут немного вправо по отношению к камере, но его голова направлена прямо в нее. Он держит руки на уровне груди, пальцы сложены в замок. Мужчина выглядит умиротворенно, на его лице — легкая улыбка. Растения занимают практически все остальное изображение. Прямо рядом с Александром — большой куст магнолии, листья насыщенного темно-зеленого цвета, с бордовыми и темно-коричневыми элементами. Конец тифлокомментария.

05.06.2025, 14:16 **Оккупированный Крым**

ИНТЕРВЬЮ

«Первый такой в мире террорист». Интервью с незрячим мусульманином Александром Сизиковым после его освобождения от тюрьмы

В прошлом году незрячего мусульманина из Крыма Александра Сизикова **отправили** на этап в тюрьму. Его **приговорили** к 17 годам заключения по делу об организации ячейки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), признанной в России террористической. Спустя восемь месяцев Сизиков вернулся домой — суд **освободил** мужчину из-за полной слепоты

и гипертонии третьей степени. ОВД-Инфо поговорил с Александром после освобождения.

— Какие ваши первые ощущения на «воле»? Как вы себя чувствуете?

— У этих ощущений есть и разумная, и эмоциональная составляющая. Разумная заключается в том, что справедливость наконец-то восторжествовала. Если так глубоко смотреть, меня не имели права «закрывать». Потому что мест лишения свободы для таких больных не существует. Это все говорилось и в суде первой, и в суде второй инстанции. Слава богу, хоть где-то Конституция работает.

А эмоциональная составляющая — конечно же, чувства, слезы, радость. Это свежий воздух, ветер, это дети, это люди. Уже нет режима «отбой-подъем», все по часам, как им [тюремщикам] надо. Нет такого, что пуговичку верхнюю не застегнул — это сразу выговор, затем два выговора, а потом рапорт, после которого ШИЗО. Нет морально-нравственного давления. Доходило и до такого, что мне говорили «Закроем тебя в бане с семью голыми мужиками, которые будут тебя насиловать» или «Поместим в камеру, где „петухи“ сидят» и так далее. Все эти унижения наконец закончены. Это огромная радость — оказаться на «воле».

Встреча Александра Сизикова с мамой, Еленой Николаевной, в аэропорту Сочи, 28 мая 2025 года

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Александр Сизиков обнимается со своей мамой, Еленой Николаевной, в аэропорту. Александр, в черной кепке и черной куртке, немного наклоняясь, обнимает маму правой рукой. Раскрытая кисть его руки — на спине матери. Мужчина широко улыбается. Елены Николаевна повернута к камере спиной. Ее правая рука обхватывает шею Александра. В кадр попали: светлые волосы, собранные в хвост, серая кофта, черный рюкзак на одном плече. Щеки матери и сына касаются друг друга. На фоне — стеклянные матовые стены белого цвета. Искусственное холодное освещение. Конец тифлокомментария.

— Как вы восприняли приговор в 17 лет? Были ли ожидания, что вас отпустят? Как вообще готовиться к такому гигантскому сроку?

— Я не считал приговор справедливым и до сих пор таковым его не считаю. Наши адвокаты уже подали кассацию, после нее будет Верховный суд, а потом ЕСПЧ. Они планируют и дальше идти, чтобы показать тот беспредел, ту несправедливость, которая творится на территории России в отношении своих граждан и граждан других стран.

Конечно, были ожидания [об освобождении], так как это от начала до конца сфабрикованное дело: книги были подкинуты, суд базировался на показаниях тайных свидетелей, которые что-то говорили в пользу обвинения.

После апелляции я думал, что, как «сердечник» Амет Сулейманов, буду находиться дома. И думал, что за это время как-то положительно решится вопрос о моем освобождении до этапа — либо будет судмедэкспертиза, либо нечто подобное. Оказалось, нет.

К жизни в заключении я не смог никак подготовиться. Когда еще шли суды и у адвокатов было время поговорить с Сейраном Хайрединовым и Алимом Суфьяновым по ВКС, я даже у них не узнавал, что это за жизнь в «зоне», что можно, что нельзя. Я ничего не знал про поведение, как себя вести. Что такое «баланда», что «кормушка» — это окошко, через которое подают еду и бытовую утварь, которую нельзя хранить в камере. Со всем этим начал знакомиться, уже будучи в симферопольском СИЗО.

Долго привыкал к тому, что над головой [над кроватью] есть второй ярус. Только после того, как хорошенько головой долбанулся, стал осторожнее вставать, не торопиться, рукой голову защищать.

Потом уже привык, что все вокруг однотипное: вот эти двухъярусные кровати, туалеты, по центру стол стоит для приема пищи, лавочка, которую нельзя подвинуть.

Мы подробно рассказывали о судьбе Александра Сизикова в этом тексте:

Незрячему крымчанину Александру Сизикову подкинули книги. Суд отправил его в колонию на 17 лет как лидера «террористической» ячейки

Незрячему крымчанину Александру Сизикову подкинули книги. Суд отправил его в колонию на 17 лет как лидера «террористической» ячейки

ОЮВД-Инфо

24 ЯНВАРЯ 2025

— Насколько непредсказуемым было для вас решение ФСИН об освобождении? Как и когда вы узнали о нем?

— Для меня оно было максимально непредсказуемым. У меня были разные мысли. С одной стороны, меня вообще не должны были сажать. С другой, если уже посадили и отправили на этап, значит, есть вероятность того, я буду отбывать наказание. Разношерстное такое мышление, знаете: или туда, или туда, как рогатка.

Также на этапе мне сказали [другие осужденные]: «Хорошо, что ты едешь в „красную зону“, потому что они максимально стараются соблюдать законодательство РФ, Конституцию, поэтому там тебя точно освободят». То есть мне внушали уверенность, что я скоро буду дома и все улучшится.

Четыре месяца у меня в тюрьме не было звонков, хотя каждый месяц мне полагался звонок на 15 минут. В мае меня соцзащита

подвела к телефону. Я позвонил маме, и за 15 минут выяснили, может ли она меня встретить. Понимаете, еще суда не было, а они [ФСИН] уже приобрели билеты [на самолет] до Сочи. Увидели, что на поезде ехать будет очень долго, в том числе сопровождающему меня сотруднику. То есть мне дали понять, что суд будет формальный.

— Расскажите об условиях содержания. Кто-то из сотрудников учреждений удивлялся, что к ним перевели незрячего человека?

— Нет, никто не удивлялся, за исключением случая в Волгограде. Один человек действительно задумался, когда узнал мой срок — 17 лет. Он погрустнел и сказал мне: «Крепитесь».

В СИЗО-1 Симферополя были те, кто подкалывал, шутил. Когда автозак заехал в само СИЗО, сотрудник открывал дверь и так крикнул для всех, чтобы слышали: «Выпускайте Кракена!» И я выхожу, с тростью — первый такой в мире террорист.

Александр в аэропорту Сочи после освобождения

Горизонтальная цветная фотография. Александр Сизиков в аэропорту. В кадре — корпус его тела примерно по пояс, он повернут к камере. Голова направлена немного вбок и вниз. Мужчина улыбается. На Александре черная кепка и расстегнутая черная куртка, под ней — бежевый свитер. Руки мужчины — на уровне груди, он держит трость с черной рукояткой. На фоне — те же стеклянные матовые двери, с желтыми кругами на них. Искусственное холодное освещение. Конец тифлокомментария.

Там я находился в камере в спецблоке с сокамерником Константином. У него, слава богу, были три книги: УК, УПК и УИК. И он мне их все читал. Как я понял, в отношении меня не соблюдались многие пункты, но больше всего — касающиеся медицины. Таблетки, уколы, капельницы — ничего этого в СИЗО не делали. Давление начали мерить, только когда мой адвокат, Сафие Шабанова, написала соответствующие письма в Москву на имя руководителя ФСИН и в другие инстанции. Ко мне начали приходить фельдшеры, назначили диету, отдали препараты и тонометр. То есть они палец о палец не ударят, чтобы тебе как-то помочь.

Этап я окрестил как «затянувшийся мужской стриптиз», потому что постоянно заставляют раздеваться. Поднимаешь верхнюю губу, нижнюю, показываешь щеки, поднимаешь руки вверх — смотрят подмышки, затем ступни. И потом, когда ты голый, между пяток тебе кладут зеркало. И так либо один раз, либо три раза смотрят анальное отверстие. И вот такие унижения продолжаются от конвоя к конвою, потому что конвой, например, в СИЗО, не доверяет конвою в «столыпинском вагоне». И так пока не доедешь до конечной точки. К тому же все это делается на камеру, так как у них отчетность.

Несмотря на то, что я бывал в «черных зонах», там есть «красные» точки — это называется спецпост, специальные

места, где держат особых преступников. Ну, например, осужденных по 205-й — терроризм. Или 282-я статья (о возбуждении ненависти либо вражды), или госизмена, или шпионаж — такие страшные в их понимании статьи. И хотя я от начала до конца должен был быть в спецмедчасти — в хорошей камере с душевой кабинкой внутри — нигде, кроме как в КТБ, меня туда не помещали. Сотрудники всегда смотрят на статью и содержат в соответствии со статьей.

Делят еще внутри на тех, кто чем болеет — гепатитом, СПИДом, туберкулезом. «Мужиков» делят на «первоходов» и «второходов». Затем по режиму: тюремный, колония общего режима, строгого, особого. И по вот такой градации тебя отправят в камеру в «столыпине» или в СИЗО, или в ТПП, и ты будешь находиться с заключенными, у которых схожая статья или заболевание. Соответственно, и отношение сотрудников ко мне было продиктовано в первую очередь этим делением.

В тюрьме мне сразу же выдали мои лекарства. Медики провели осмотр, оформили бумаги на постельный режим, так как в «красных зонах» лежать просто так нельзя, оформили освобождение от зарядки, бумаги на трость, препараты и тонометр, и они могли быть при мне. Сотрудники старались быть максимально чуткими.

Елена Николаевна держит сына за руку

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. На изображении — руки Александра Сизикова и его мамы, Елены Николаевны. В кадре — только корпуса их тел. Елена Николаевна — справа от Александра. Обе руки женщины обхватывают правую руку сына.левой рукой Александр держит белую трость с черной рукояткой. На фоне — трава и часть бежевой стены. Конец тифлокомментария.

КТБ — это, грубо скажу, чуть ли не санаторий. Там свободные открытые палаты, можно ходить по этажам, двигать спальное место, как удобно. Туалет и душевая кабинка — полностью в твоем распоряжении, хоть круглосуточно пользуйся. Там вообще проблем не было со здоровьем, потому что медики постоянно ходят — кому-то капельницу несут, кому-то таблетки, уколы, кому-то перевязку. Питание диетическое. Это лучшая больница по всей России, и со всей России осужденных везут именно туда.

Единственное, что мне не понравилось, — из-за статьи каждые два часа, в том числе во время сна, я должен был оставлять электронный отпечаток пальца. Подойти к такому сканеру, приложить палец, чтобы он дал сигнал, что все отлично и я не сбежал. Вот такие устройства были по всей больнице. У других заключенных такая процедура была только три раза в день — на завтрак, обед и ужин.

— Сотрудники ФСИН не прилагали усилий, чтобы разобраться, как вас содержать?

— Сотрудники никак не помогали: все это было брошено на сокамерников. Сначала мне в СИЗО-1 помогал сокамерник Константин, на него же удалось сделать передачку с теплыми вещами, так как мне как осужденному было положено всего две посылки и две бандероли в год, а он мог или раз, или два в месяц получать посылки и передачи.

Дальше мне помогали, грубо говоря, попутчики — все, кто были со мной. Один из таких — **Игорь Петров** из Бердянска, гражданин Украины, которому подкинули гранаты, тротил и сказали, что он хочет взорвать электростанцию в Бердянске. Его мучили, и он рассказывал, как это все было жестко. Его перевели из СИЗО-2 в СИЗО-1, когда шел сбор на этап. Мы познакомились, он даже слышал обо мне, о «Крымской солидарности». И вот с декабря по февраль во всех ТПП и «столыпинских» вагонах он был со мной. А когда уже прибыли в Минусинск, нас раскидали после «карантина» — его определили к военнопленным из Украины, а меня держали с другими осужденными, так называемыми «205-ми» — «террористами», «экстремистами», всеми, кто по госизмене, шпионажу сидит.

Александр с мамой и адвокатом Эдемом Семедляевым

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Александр Сизиков, его мама Елена Николаевна и адвокат Эдем Семедляев идут от аэропорта по тротуару. Александр по центру, справа от него — мама, слева — адвокат. Елена Николаевна придерживает сына под руку, а Александр, в свою очередь, держит под руку Эдема. На Александре черные куртка, брюки и кепка, под расстегнутой курткой — еще несколько слоев одежды. В правой руке — белая трость. Елена Николаевна в серой кофте, черных брюках с рюкзаком на одном плече. Эдем Семедляев в темно-серой футболке и джинсах, через плечо перекинут ремешок кожаной сумки. Справа от людей — куст магнолии, слева — автомобильная парковка. Чуть дальше — здание аэропорта, рядом кипарисы и флаг России на флагштоке. Конец тифлокомментария.

В КТБ меня сопровождал еще один сокамерник, Сергей Свиридов, у него рак головного мозга. И когда я уезжал оттуда,

он еще находился в больнице.

Со стороны администрации мне никто не помогал, за исключением момента, если надо куда-то идти. Например, приехала адвокат на беседу. По выходе из камеры поначалу я брал конвоира за локоть, так как это мне удобно и правильно, если незрячий человек идет с кем-то. А он говорил: «Нет, я тебя возьму, потому что, если ты берешь меня за локоть, это расценивается как покушение на сотрудника ФСИН». И вот он вел меня, держа за локоть, но это было неудобно и непривычно. Спустя время я все-таки добился, чтобы брать его за локоть.

Причем поначалу они придерживались своих правил, когда осужденного ведут два или три конвоира. В какой-то момент меня вел уже один, когда стало понятно, что никакой угрозы я вообще не представляю. Поставил меня у стеночки, открыл ключами дверь, я прошел внутрь комнаты, он ключами дверь закрыл.

Когда меня в Сочи провожал начальник отряда, он сказал, что за его десятилетний стаж работы это единственный раз, когда кто-то из сотрудников сопровождает заключенного прямо до дома.

— Как вы видите свою дальнейшую жизнь? Что сделали первым делом, когда вернулись домой?

— Когда приехал домой, первое, что сказал маме: «Ого, у нас, оказывается такой дом большой!» То есть я привык, что сделал шаг вперед — там кухонный стол, полтора шага вбок — там умывальник, три шага в другой бок — там туалет. И все это на восьми квадратных метрах на двоих.

Я заново начал привыкать к тому, что от стены до стены очень большое расстояние. Начал вспоминать, как устроен мой дом, как мне с тростью ходить. Вышел на улицу на обеденную молитву в мечеть — понял, что совсем разучился ходить с ней.

Сразу, как приехал, также прочитал молитву Господу Богу, молитву благодарности. Но основные радости у меня начались еще в автомобиле, когда сказал: «Дайте мне мороженое, дайте шоколадку». Уже начал радоваться еде, которая на «гражданке» есть и доступна: бери все, что хочешь, ешь, пей.

Когда сюда приехал, меня стали поздравлять небезразличные люди, читать молитву (дуа), чтобы другие вернулись домой. Потому что 222 человека из Крыма находятся в местах лишения свободы и, по моему мнению, абсолютно несправедливо.

Александр, Елена Николаевна и Эдем Семедляев во время записи видео для «Крымской солидарности»

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Александр Сизиков, его мама Елена Николаевна и адвокат Эдем Семедляев дают интервью журналистам «Крымской солидарности». Александр стоит на фоне большого куста магнолии, справа от него — мама, слева — адвокат. На Александре — черная кепка и песочного цвета футболка, к которой прикреплена петличка. В левой руке он держит трость. Елена

Николаевна в серой кофте, с собранными волосами. Лица Александра и его матери направлены на журналиста. Они выглядят сосредоточенно. Журналист — в левой части изображения, он повернут к камере спиной. На нем клетчатая рубашка. Мужчина активно жестикулирует. Эдем — в темно-серой футболке с воротниками и пуговицами. У него темные волосы и борода с проседью. Голова мужчины опущена вниз. Он выглядит озабоченным. На переднем плане, в правой части изображения — размытый силуэт телефона на штативе и плеча оператора. Конец тифлокомментария.

Мы быстренько постарались восстановить телефоны, мои номера. Понял, что разучился кнопки нажимать, жестами управлять. Ноутбук тоже включил — блин, а как здесь что делать? Все-все-все стал сейчас вспоминать.

Постепенно все улучшается, кроме некоторых моментов. Один — глаз все еще с трудом привыкает к протезу, который я оставил дома, когда меня увезли в СИЗО, чуть-чуть побаливает веко. Ну и из-за питания пострадал желудочно-кишечный тракт. Идет акклиматизация, но она, скорее, приятная. Думаю, скоро все наладится, устроится.

Сон пытаюсь восстановить, так как между Крымом и Красноярском четыре часа разницы. Потом нужно сходить к врачу, разобрать заключение, которое вынесла КТБ, так как там много медицинских непонятных для меня терминов. Одним словом, ре-а-би-ли-та-ци-я.

Ну и у меня есть задания от ребят из тюрьмы, которые знали, что меня будут освобождать: позвонить их родственникам, написать письма, отправить бандероль, связаться с адвокатом. В общем, у каждого свои чаяния, у меня целая тетрадка «заданий». Это, я считаю, такой долг священный, который надо выполнить. Надо, чтобы в отношении сокамерников все получилось 100%, потому что там полнейшая изоляция.

— Что поддерживало вас во время заключения больше всего?

— В первую очередь, это Господь Бог. Везде я наблюдал его милость, его поддержку. И, будучи мусульманином, выполнял все его предписания — молитву, пост. Я чувствовал эту поддержку везде, когда делал дуа. И эта мольба, она принималась. Где-то диету [наконец] назначили, где-то посылка пришла. Первые письма получил.

Потом книга пришла от группы поддержки **Оксаны Осадчей**, шахматы, которые скрасили пребывание в тюрьме. Было вплоть до того, что максимально просил дотянуть до того момента счастливого, когда мне дадут таблетки.

Потом была поддержка от тех, с кем находился в ИВС, в СИЗО, на этапе, от других сокамерников. На «воле», конечно же, поддерживали адвокаты, которые выполняли свою работу, «Крымская солидарность», моя мама.

И, конечно же, письма, которые приходили не только из городов России, но и из-за границы, и инвентарь, который я уже упомянул.

Александр на свободе

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ

Горизонтальная цветная фотография. Александр Сизиков стоит на фоне куста магнолии и других темно-зеленых растений, широко раскинув руки. В кадре — корпус его тело по пояс, он повернут к камере и расположен по центру. На Александре черная кепка и песочного цвета футболка. Его подборок приподнят, на лице — легкая улыбка. Мужчина выглядит спокойно и радостно. Конец тифлокомментария.

— Что бы вы сказали тем, кто все еще находится в заключении? Фигурантам своего дела и другим осужденным по делам «Хизб ут-Тахрир»?

— Мусульманам я бы сказал, чтобы соблюдали законы ислама, где бы ни были, жили по шариату. Везде, где это можно делать, молились, соблюдали посты. Проводили то время, которое находятся в заключении, с пользой. В любой ситуации можно

найти плюсы. И минусов можно постараться избежать или проигнорировать их, если это возможно.

Я расскажу одну притчу, которая с исламом никак не связана, но это показательный рассказ. Идет человек, рядом с ним Господь Бог. Они идут вдоль моря, штиль, хорошая погода, солнце светит. Приятно беседуют, человек видит два ряда следов. И вдруг начинается шторм, ураган, ветер, мрак — ничего не видно. И человек замечает только один ряд следов. Он спрашивает у господа: «Почему так получилось? Было все хорошо, мы шли вдвоем, беседовали, а когда стало плохо, я остался один». А господь отвечает: «Раб мой, дитя мое, знаешь ли ты, что в этот момент я нес тебя на руках?»

Да, есть отсутствие свободы в заключении, нет связи с родными, привычного образа жизни. Но господь стал еще ближе к таким людям. В исламе это называется «зульм» или «притеснение», «гнет». И мольба таких людей принимается, я проверил это на себе.

Даже если человек атеист, другой религии или конфессии, Бог всегда с такими людьми — с теми, кто находится под притеснением. И надо выдержать эти сроки. А наша задача здесь, на «воле», делать все от нас зависящее, делать нашу работу. Писать в министерства, забрасывать их жалобами, добиваться улучшений для осужденных.

Только когда мы делаем какие-то шаги в пользу осужденных, там появляются радости — и давление снижается, неважно, физическое или морально-нравственное, и отношение сотрудников к тебе другое. Они видят, что ты не брошенный, не какой-то бродяга или бедолага, а видят, что за тебя на «воле» топят, и более осторожно с тобой общаются и относятся по-другому. Это — наша обязанность.

Марина Шлаева